

Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья – Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

– Кто первый за твоих сестёр станет свататься, за того и отдавай – при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошёл с сёстрами в зелёный сад погулять. Вдруг находит на небо туча чёрная, встаёт гроза страшная.

– Пойдёмте, сестрицы, домой! – говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец – как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

– Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришёл сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

– Коли люб ты сестрице, я её не держу, – пусть идёт!

Марья-царевна согласилась, сокол женился и унёс её в своё царство. Дни идут за днями, часы бегут за часами – целого года как не бывало; пошёл Иван-царевич с двумя сёстрами во зелёный сад погулять. Опять встаёт туча с вихрем, с молнией.

– Пойдёмте, пойдёмте, сестрицы, домой! – говорит царевич. Только пришли во дворец – как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орёл, ударился об пол и сделался добрым молодцем:

– Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом. И посватал Ольгу-царевну.

Отвечает Иван-царевич:

– Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идёт; я с неё воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орёл подхватил её и унёс в своё царство.

Прошёл, ещё один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

– Пойдём, во зелёном саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встаёт туча с вихрем, с молнией.

– Вернёмся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть – как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем; прежние были хороши собой, а этот ещё лучше.

– Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришёл сватом; отдай за меня Анну-царевну.

– Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идёт за тебя. Вышла за ворона Анна-царевна, и унёс он её в своё государство. Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестёр, и сделалось ему скучно.

– Пойду, – говорит, – искать сестриц. Собрался в дорогу, идёт и видит – лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

– Коли есть тут жив человек – отзовись! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

– Всё это войско великое побил Марья Моревна, прекрасная королева. Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые. Выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева:

– Здравствуй, царевич, куда тебя бог несёт – по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

– Добрые молодцы по неволе не ездят!

– Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней. Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в своё государство; пожил они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича всё хозяйство и приказывает:

- Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не заглядывай!

Иван не вытерпел; как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул – а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича:

– Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил – совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему ведро воды, он выпил и ещё запросил:

– Мне одним ведром не залить жажды, дай ещё!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро – взял свою прежнюю силу, потряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

– Спасибо, Иван-царевич! – сказал Кощей Бессмертный. – Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих! – И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил её и унес к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошёл в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!»

Идёт день, идёт другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

– Ах, шурин мой любезный! Как тебя господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

– Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную

королевну.

– Трудно тебе сыскать её, – отвечает сокол. – Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на неё смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошёл в дорогу. Шёл он день, шёл другой, на рассвете третьего видит дворец ещё лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орёл сидит. Слетел орёл с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

– Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идёт!

Ольга-царевна тотчас выбежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

– Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает орел:

– Трудно тебе сыскать её; оставь у нас серебряную вилку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошёл в дорогу. День шёл, другой шёл, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

– Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идёт.

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

– Прощайте! Пойду жену искать – Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

– Трудно тебе сыскать её; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на неё смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошёл в дорогу.

День шёл, другой шёл, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидела она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

– Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался – посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного.

– Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше пойдём со мной, пока не видать Кощея Бессмертного, авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

– Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

– Иван-царевич приходил, Марью Моревну увёз.

– А можно ли их догнать?

– Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать её, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

– Ну, – говорит, – первый раз тебя прощаю, за твою доброту, что водой меня напоил, и в другой раз прощу, а в третий берегись – на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увёз; а Иван-царевич сел на камень и заплакал. Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною, Кощей Бессмертного дома не случилось.

– Поедем, Марья Моревна!

– Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

– Пускай догонит, мы хоть часок-другой проведём вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

– Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

– Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

– А можно ли догнать их?

– Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

– Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих! – отнял её и увез к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревной; на ту пору Кощей дома не случилось.

– Поедем, Марья Моревна!

– Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

– Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

– Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

– Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича; изрубил его в мелкие куски и поклял в смолёную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увёз.

В то самое время у зятьёв Ивана-царевича серебро почернело.

– Ах, – говорят они, – видно, беда приключилась!

Орёл бросился на сине море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мёртвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и складили как надобно. Ворон брызнул мёртвою водою – тело срослось, соединилось; сокол брызнул живой водою – Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

– Ах, как я долго спал!

– Ещё бы дольше проспал, если б не мы! – отвечали зятья. – Пойдём теперь к нам в гости.

– Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну!

Приходит к ней и просит:

– Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать. Кощей сказал:

– За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребёночка.

– Как же ты через огненную реку переправился?

– А у меня есть такой платок – как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала всё Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала. Иван-царевич переправился через огненную реку и пошёл к бабе-яге. Долго шёл он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

– Съем-ка я одного цыплёночка.

– Не ешь, Иван-царевич! – просит заморская птица. – В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошёл он дальше, видит в лесу улей пчёл.

– Возьму-ка я, – говорит, – сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

– Не тронь моего мёду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошёл дальше, попадает ему навстречу львица со львёнком.

– Съем я хоть этого львёнка; есть так хочется, ажно тошно стало!

– Не тронь, Иван-царевич, – просит львица. – В некоторое время я тебе пригожусь.

– Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрёл голодный, шёл, шёл – стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечесьей голове, только один незанятый.

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришёл – по своей доброй воле аль по нужде?

– Пришёл заслужить у тебя богатырского коня.

– Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасёшь моих кобылиц – дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся – торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился, баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты, и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

– Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

– Зачем вы домой воротились?

– Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

– Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич, наутро баба-яга ему говорит:

– Смотри, царевич, если не упасёшь кобылиц, если хоть одну потеряешь – быть твоей буйной головушке на шесте.

Погнал он кобылиц в поле, они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул. Солнышко село за лес, прибежала львица:

– Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошёл домой; баба-яга пуще прежнего и шумит, и кричит на своих кобылиц:

– Зачем домой воротились?

– Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

– Ну вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич, наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

– Если не упасёшь – быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчёлка и говорит:

– Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротиться домой, баба-яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребёнок – в навозе валяется, ты укради его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улёгся за яслями; баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

– Зачем воротились?

– Как же нам было не воротиться? Налетело пчёл видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у неё паршивого жеребёнка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону – и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза – остался через реку мост тоненький-тоненький!

Поутру пробудилась баба-яга – паршивого жеребёнка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: “Хорош мост!” Поехала по мосту, только добралась до середины – мост обломился, и баба-яга упала в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! А Иван-царевич откормил жеребёнка в зелёных лугах, стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

– Как же ты опять живой?

– Так и так, – говорит. – Поедем со мной.

– Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрубленным.

– Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

– Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

– Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увёз.

– А можно ли их догнать?

– Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

– Нет, не утерплю, – говорит Кощей Бессмертный, – поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли – нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощей Бессмертного и разможил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того положил царевич груды дров, развёл огонь, спалил Кощей Бессмертного на костре и пепел его пустил по ветру. Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Погостили они, попиروвали и поехали в своё царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.